

Даренский В. Ю.
(Луганск, Украина)

УДК 821.161.1

КОНЦЕПЦИЯ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ СОВЕТСКОЙ И ПОСТСОВЕТСКОЙ ИСТОРИИ В КНИГЕ А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА «РОССИЯ В ОБВАЛЕ»

Ключевые слова: А.И. Солженицын; «Россия в обвале»; историософия; СССР; нравственность.

Аннотация: историософское открытие в книге «Россия в обвале» А. И. Солженицына состояло в том, что в ней писатель убедительно доказал: «обвал» отнюдь не является лишь результатом чьей-то злой воли (хотя и этот фактор очевиден), но, в первую очередь, обусловлен тем состоянием, в котором страна пребывала на исходе советской эпохи. «Обвал» был неизбежен не только в силу конкретно-исторических причин, но и в силу причин нравственных – народ вынужден и даже обязан расплачиваться за грехи своих «отцов». Парадокс истории состоит в том, что глубинную и подлинную суть каждой эпохи раскрывает не она сама, а следующая за ней эпоха, показывающая результат и итог предшествующей. И 1990-е как раз и раскрыли итог и «тайну» этой предшествующей им «великой эпохи». И «тайна» эта очень проста: за всей внешней «ширмой» великих достижений шел процесс обвальной деградации народа и государства.

Книга «Россия в обвале» А. И. Солженицына обычно находится на периферии внимания его читателей. Уже само ее название сразу подпадает под стереотип: что это, если не очередная порция «разоблачительной» публицистики 1990-х, которая в то время стала еще более массовой продукцией, чем в предшествующую ей эпоху «перестройки»? Однако под внешним подобием жанра в книге А. И. Солженицына мы находим нечто иное. Точнее сказать, эта книга «с двойным дном»: под внешней оболочкой обличений происходящего в то время «обвала» – а по сути, социально-экономической катастрофы в стране – писатель со свойственным ему даром прозревает не сиюминутные, а более глубокие исторические смыслы. Он показывает, во-первых, что этот «обвал» отнюдь не является лишь результатом чьей-то злой воли (хотя и этот фактор очевиден), но, в первую очередь, обусловлен тем состоянием, в котором страна пребывала на исходе советской эпохи. Да, «обвал» мог быть не настолько разрушительным, но суть в том, что его не могло не быть в любом случае. И здесь кроме историософского осмысления появляется еще более глубокий и важный нравственный смысл – «обвал» был неизбежен не только в силу лишь конкретно-исторических (экономических, политических, культурных и др.) причин, но и в силу причин нравственных – *народ вынужден и даже обязан расплачиваться за грехи своих «отцов».*

Во-вторых, сам «обвал» для А. И. Солженицына как для русского писателя и христианского мыслителя – явление совсем иного рода, чем для приземленных строителей «светлого будущего» (независимо от его идеологических обрамлений). Для последних «обвал» – это если и не «происки врагов», подлежащих уничтожению, то как минимум – лишь бессмысленная потеря исторического времени. Но для христианского мыслителя в истории ничего бессмысленного

нет. Более того, наиболее глубокий смысл исторических эпох обычно скрывается как раз там, где наш поверхностный прагматический взгляд видит лишь «потерянное время». Именно к такому глубинному и самому важному смыслу двигался от «обличительной» поверхности автор книги «Россия в обвале».

«Россия в обвале» (1998) до сих пор не стала предметом серьезного осмысления: имеют место либо простые пересказы ее общего содержания [см.: 2], либо весьма упрощенные трактовки. Так, например, Д. Махони, исследуя историософию писателя, упоминает об этой итоговой книге всего лишь вскользь и очень формально: «В своей недавней и, возможно, последней чисто политической работе «Россия в обвале» (1998) Солженицын продолжает полемику с национал-большевизмом и либеральным антинационализмом» [4, с. 104]. А согласно другому автору, А. И. Солженицын в этой книге просто видит Россию в ее «предгибельном» состоянии: «после семидесятилетнего «обескровливания» ее возрождение невозможно по двум причинам. Во-первых, большевики «выжгли и вытоптали душу народа», во-вторых, «постсоветский режим... похож на коммунистический, а олигархия и безответственность правящей верхушки не даст народу подняться на социальный взрыв». При этом, по его мнению, не только «советский, но и постсоветский режим обречён» [1, с. 5–6]. Вместе с тем, на большую значимость А. И. Солженицына, как важного философа истории, указывают такие авторитетные авторы, как петербургский профессор А. Л. Казин [3]. В данной статье мы выделим те важнейшие историософские аспекты анализа писателем постсоветского периода, которые важны для его мировоззрения в целом. Если сказать более конкретно, то в этой статье будет акцентирована принципиально важная мысль русского писателя и мыслителя о преемственности между советской и постсоветской эпохами нашей истории – тот самый трудный «нерв» мысли в наше время, который остается «неудобным» для тех, кто хотел бы избежать *исторического катарсиса*.

Парадокс истории состоит в том, что *глубинную и подлинную суть каждой эпохи раскрывает не она сама, а уже следующая за ней эпоха, показывающая результат и итог предшествующей*. (Это очень легко показать на бесконечном числе исторических примеров, но столь очевидная мысль почему-то не часто приходит в голову нашим современникам). И в этом смысле, как это ни прискорбно для всех ностальгирующих по СССР, 1990-е как раз и раскрыли итог и «тайну» этой предшествующей им «великой эпохи». И «тайна» эта очень проста: за всей внешней «ширмой» великих достижений шел процесс обвальной деградации народа и государства. Но пока этот процесс сдерживался рамками жесткой советской системы, он был почти незаметен в силу своей постепенности, и только совестливые русские писатели задавались горьким вопросом В. Шукшина: «Что с нами происходит?». Но первым, намного раньше В. Шукшина, об этом спрашивал А. И. Солженицын. И позднее он несколько не изменил себе – уже в «лихие 1990-е» он не присоединился к стройному хору мстительных плакальчиков по «великой стране», а продолжал искать корень зла не во внешних врагах, а в самом народе: «Что мы сами с собой сделали?» Как делается этот поворот к иному – историософскому и нравственному углу зрения – хорошо учит эта книга.

Стилистической особенностью этой книги является особая «приземленная» стилистика вопрошания. Нельзя сказать, чтобы автор сознательно избирал вакансию и стилистику некоего традиционного «простеца», однако, судя по всему, это происходит просто по «законам жанра». Вот автор пишет: «Никогда не поставлю Гайдара рядом с Лениным, слишком не тот рост. Но в одном качестве они очень сходны: в том, как фанатик, влекомый только своей призрачной идеей, не ведающий государственной ответственности, уверенно берётся за скальпель и многократно кромсает тело России» [6, с. 20]. Здесь схожесть действий власти большевистской и якобы «антикоммунистической» столь разительна, что не требует специальных комментариев. Однако дело не в одной только власти, которая сама ничего этого не смогла бы сделать, если бы ее действия не встретились и с некоторыми «чаяниями» самого народа, этой властью уже давно соответствующим образом воспитанного. Но что же произошло, и самое главное – *как?* А. И. Солженицын считает это совершенно естественным последствием советского периода истории: «Народ, через который всё пропускали шоковый электрический ток, – оглушённый, бессильно распластался перед этим невиданным грабежом. Только в таком виде... он мог в марте 1993 проголосовать за одобрение «реформ», несших ему явное разорение и нищету... Народ был осчастливлен объявленным разделом национального богатства равномерно между всеми гражданами через выдачу каждому облигации с диковатым названием “ваучер”» [6, с. 21]. Но ведь совершенно тоже самое было в период самой кровавой в истории гражданской войны, в которой победили те, кто поддался лозунгу «грабь награбленное» вопреки чести и совести, воспитанной предками. Как видим, и власть, и народ в 1990-е вдруг оказались почти копией власти и народа 70-летней давности – как и в 1920-е, власть «кромсает», а народ – оглушён и «бессильно распластался перед этим невиданным грабежом». И почти по всем параметрам, как мы увидим дальше, 1990-е оказались «двойником» 1920-х. И вот что самое главное – народ был соблазнен и тогда, и в 1990-е одним и тем же коварным обманом – «объявленным разделом национального богатства». В гражданской войне большевики привлекли на свою сторону крестьян и за счет этого победили – обещанием земли, которую отняли уже через 10 лет, под видом коллективизации восстановив крепостное право в намного более жестокой форме, чем оно было при царях. А в 1990-е новое поколение большевиков, объявив себя «демократами», точно так же соблазнило народ обещанием частной собственности, которую точно так же сразу же и отняло.

А. И. Солженицын далее указывает на прямую преемственность действий, по сути, *одними и теми же методами* – у большевиков и у их наследников – властей 1990-х: «Приватизация внедрялась по всей стране с тем же неоглядным безумием, с той же разрушительной скоростью, как «национализация» (1917–18) и коллективизация (1930), – только с обратным знаком... Гайчубайские реформы велись в понятиях Маркса: если средства производства раздать в частные руки – вот сразу и наступит капитализм и заработает?» [6, с. 22–23].

Нетрудно понять, что кроме четкой аналогии действий и даже прямой преемственности между ними здесь имеет место и закономерность уже чисто экономическая: действительно, после того как в 1917 году народ был отчужден от

собственности и она 70 лет была государственной, то есть ничьей, – именно только после этого и стал возможен и, более того, уже абсолютно неизбежен тот «грабеж» 1990-х, о котором говорит писатель. В 1990-е формально народная, а по факту *ничья* собственность просто и без всякого сопротивления (а *кто* будет сопротивляться? – ведь реальных собственников нет) перешла в руки тех, кто вовремя оказался там, где эту собственность можно было оформить на себя. Речь здесь идет не об «оправдании» этого процесса, а просто о том, что у него фактически не было альтернатив вовсе не из-за чьей-то злой воли, а именно в силу сложившегося объективного порядка вещей. Тем самым, при всей своей внешней идеологической противоположности, 1917-й и 1990-е оказались жестко спаянными частями одного и того же процесса.

Такая же жесткая историческая преемственность имела место и в «кадровом вопросе», поскольку «в этом-то процессе многие недавние коммунистические партюкраты оборотливо стали криминальными коммерсантами и частновладельцами. Раньше они распоряжались государственной собственностью ограниченно, теперь – без оглядки.) Да, из коммунистического Вавилона ещё б нам не надо было вытягивать ног! Но – по-разному можно было ступать. Нам избрали путь – наихудший, извратительный, в самом себе злоносный» [6, с. 24–25]. А мог ли он и быть другим, если этот Вавилон взрастил тех, кто не умеет действовать иначе? О них писатель говорит с особым чувством: «Страшней того, как успели разграбить и распродать Россию, – откуда выросло из нас это жестокое, зверское племя, эти алчные грязнохваты, захватившие и звание «новых русских»? с таким смаком и шиком разжиревшие на народной беде?» [6, с. 201]. Но ведь все эти «новые русские» 1990-х – это люди, рожденные в 1960-е, 1950-е, 1940-е, а то и еще раньше – это люди, воспитанные самой классической советской эпохой, когда уже в ней давно не осталось никакого «проклятого прошлого», на которое можно было бы свалить всю вину и заявить о каких-то «пережитках». Нет, эти люди не с неба упали, это именно те самые кондовые персонажи – «рожденные в СССР», из которых многие ныне пытаются вылепить самый новомодный идеологический бренд (чтобы «снова наступить на те же грабли»).

Но и эта странная несопротивляемость народа «обвалу» – тоже вовсе не удивительна, но глубоко закономерна. И она тоже была предопределена всеми объективными обстоятельствами предшествующего периода истории. Об этом в книге: «прозвучали похвалы российскому народу, что он «оправдал доверие»: не произошло социального взрыва. Да уж, «бунт бессмысленный и беспощадный» мы с себя, кажется, смыли навсегда. Немоощнее нас не вообразить народа» [6, с. 27]. Но ведь и большевики поначалу, пока не разбудили Белое движение и огромные (а ныне почти забытые) крестьянские восстания – и они пришли к власти точно так же – благодаря наивности и пассивности народа, никак не ожидавшего, что с ним могут сотворить потом! Писатель напоминает: «Октябрьский переворот – и в Петрограде, и при московских боях, прошёл при народном безучастии, с обеих сторон действовали лишь малые группы. Апатия эта не намного лучше необузданного взрыва» [6, с. 170]. И не раз еще на протяжении 70 лет народ потом столь же пассивно и безучастно к собственной судьбе вновь и вновь «оправдывал доверие» большевиков. Полная преемственность эпох и здесь совершенно очевидна.

Чудовищный репрессивный механизм, созданный большевиками (и отнюдь не Сталиным, а уже в период «красного террора»), лишь с огромным трудом добивался результатов, которые якобы «прогнившее самодержавие» (а на самом деле, эффективнейшее и во многих отношениях самое передовое в мире государство) получало как бы «само собой» без надрыва и пафоса. При Николае II экономика Российской империи росла быстрее, чем даже при Сталине, но никто этим не хвастался, поскольку тогда общество жило совсем другими ценностями – духовно-нравственными. Сверхдержавой России при царе становиться было не нужно, поскольку она давно уже была сверхдержавой со времен Николая I. Это место было утрачено нашей страной в результате революционной Катастрофы...

А вот как власть новая продолжила «дело большевиков»: «Местное самоуправление – это и есть недоразвившееся перед революцией, а после неё *раздавленное большевиками (тоже из конкуренции) земство*. Оно и есть народо-властие. Одно оно только и может дать народу свободное дыхание и постепенно развить навыки демократии». Но нет, «это – мало волнует её, и даже как бы не замечается ею. Она вся – в себе. Она – упита собою и собою замкнута» [6, с. 53]. И это не просто аналогия, а прямая преемственность: «власть, напротив, уверилась в своей самоустойчивости, новые же аппаратчики (аппарат в несколько раз больше чекистского) – что их уже не выкинут и не вытеснят, возможна только тасовка в колоде» [6, с. 54]. И здесь ««демократическая» Россия верна *советской традиции*» [6, с. 65]. «Большевики исказили: кооперативы – в колхозы, земство – в советы; погубили и то и другое» [6, с. 94].

Поэтому «при стольких внешних переменах флагов, гербов, лозунгов, самая основная черта прежней, коммунистической власти – полная закрытость от народа и полная безответственность за совершаемое – присуща и нынешнему режиму никак не в меньшей мере. А что и попадёт в печать – то власть проигнорирует. Все демократические ширмы использованы только для прикрытия жадной олигархии и для обмана мировой общественности» [6, с. 54]. Но и в здесь суть дела в том, что эта новая власть просто продолжила «традицию» власти предшествующей, советской – и не более того. Эта модель не придумана в 1990-е, а была взята готовой у предшествующего *советского* периода.

Что же произошло с народом? Стоит привести здесь довольно обширную выдержку из его текста – она заслуживает того, чтобы войти на страницы всех учебников российской истории XX века как важнейшее обобщение его опыта: «Селективным *противоотбором*, избирательным уничтожением всего яркого, отметного, что выше уровнем, – большевики планомерно меняли русский характер, издёргали его, искрутили. Об истаянии народной нравственности под большевицким гнётом я достаточно написал и в «Архипелаге» (Часть IV, гл.3) и во многих статьях. Повторю здесь кратко-перечислительно. Под разлитым по стране парализующим страхом (и отнюдь не только перед арестом, но перед любым действием начальства при всеобщем бесправном ничтожестве, до невозможности уйти от произвола сменой местожительства), при густой пронизанности населения стукаческой сетью, – в народ внедрялась, вживалась скрытность, недоверчивость – до той степени, что всякое открытое поведение выглядело как провокация. Сколько отречений от ближайших родственников! от по-

павших под секиру друзей! глухое, круговое равнодушие к людским гибелям рядом, – всеугнётное поле предательства. Неизбежность лгать, лгать и притворяться, если хочешь существовать. А взамен всего отмирающего доброго – утверждалась неблагодарность, жестокость, всепробивность до крайнего нахальства... Советский режим способствовал подъёму и успеху худших личностей. Удивляться другому: что добрая основа ещё во стольких людях сохранилась. И удивиться, что наш народ ещё не был необратимо подорван, иначе откуда взялись бы титанические силы на советско-германскую войну?» [6, с. 170–171].

Знаменитое выражение А. И. Солженицына «отрицательный отбор» давно стало широко известным. Это столь печальное явление самоубийства народа, попавшего в условия тоталитарного строя, во многом по инерции продолжается и сейчас. Однажды отлаженный «отрицательный отбор» продолжает свое черное дело, обеспечивая «социальные лифты» для худших, а не для лучших. Из всех разрушительных наследий советской эпохи – это самое тяжелое и труднопреодолимое.

И даже то, что принято считать великими победами советской эпохи, несет в себе и обратную сторону, которую многие стараются стыдливо «не замечать», – несет свой горький и столь трагический итог: «Вот советско-германская война и наши небережённые в ней, несчитанные потери, – они, вослед внутренним уничтожениям, надолго подорвали богатейство русского народа – может быть, на столетие вперёд. Отгоним от себя мысль, что – и навсегда. Прозябание народа под Хрущёвым и Брежневым не отмечено гигантскими изломами, которые бы меняли народный характер. Наступила та, пророченная Леонтьевым, дремливая и как будто даже уютная покорность. Соками увядающего русского гиганта усиленно подпитывались окраины, всё созревая к рывку отделения, – а мы уж рады были, что не гонят нас толпами на уничтожение» [6, с. 171–172].

Именно поэтому писатель со всей ответственностью имеет право сказать: «Нет, восстановление СССР никак бы не было теперь в интересах и ко здравью русского народа – это было бы утопление его в набухающем азиатском мире» [6, с. 39]. Да, это правда, которую очень многим ныне и очень трудно будет признать. Однако дело не только в этом, но еще и вот в чем: «С конца 80-х годов разлившийся в нашей столичной образованности интернациональный восторг едва ли не перехлестнул и ранних большевиков» [6, с. 28]. И снова мы видим ту же самую убийственную не просто аналогию – но самую живую преемственность между большевиками и их «ниспровергателями».

Общий историософский вывод однозначен: «Десятилетиями мы платили за национальную катастрофу 1917 года, теперь платим за выход из неё – и тоже катастрофический» [6, с. 200]. Именно таков смысл «обвала» России в 1990-х и таков тот урок, который мы обязаны извлечь из всей нашей истории XX века.

В конечном итоге, самое главное и тяжкое разрушение, которое произошло в советскую эпоху, – это разрушение самого человека, души человеческой, нравственности и того живого, душевного быта, на котором она держалась. Об этом писало поколение писателей-«деревенщиков», которому А. И. Солженицын на вручении премии своего имени В. Распутину дал более точное определение – «нравственники». Он и сам принадлежит к этой славной когорте как

один из ее основателей – вся «деревенская» проза во многом вышла из его «Матрениного двора». Но в этой книге он выступает как историк, цитируя документы: «в 1917 американский Сенат («Овермэнская комиссия») слышит от протестантского пастора Саймонса, пожившего среди русских несколько последних лет: “Я нигде не встречал лучшего типа женщин или мужчин, чем в русских деревнях и даже в среде рабочих. И я всегда чувствовал себя среди них в полной безопасности до тех пор, пока не пришли к власти эти большевики”» [6, с. 169]. В этом свидетельстве зафиксирован тот «слом» в народном характере, который стал в советскую эпоху уже необратимым.

Книга историософская, хотя и насыщена большим и конкретным жизненным материалом. Хотелось бы дополнить эту историософию, переведя ее в более широкий культурный контекст. Мартин Хайдеггер в статье «Изречение Анаксимандра» анализирует изречение, которое считается древнейшей мыслью европейской философии и имеет самое непосредственное отношение к нашей теме. Звучит оно так: «Откуда вещи берут свое происхождение, туда же должны они сойти по необходимости; ибо должны они платить пени и быть осуждены за свою несправедливость сообразно порядку времени» [7, с. 28]. Именно это и произошло с советской цивилизацией – с нею произошло то, что она сама себе уготовила собственной природой и собственной судьбой. Она уплатила все «пени» и была осуждена за свою несправедливость, когда пришло время. Но горько, страшно и трагично то, что платила это не абстрактная «цивилизация», а живые люди – и часто платили своей жизнью и своею поломанною судьбой.

Древнее изречение очень точно: советская страна «оплатила пени» и «была осуждена за свою несправедливость» буквально во всем – все содеянное ею словно «вернулось бумерангом». Как большевики в свое время оплевывали «проклятое прошлое», так в 1990-е таким же точно оплеванным «проклятым прошлым» предстали и они сами. Как они объявили Россию «отсталой», теперь точно так же отсталым объявили построенный ими «совок». Как они уничтожали былую Россию во имя «социальной справедливости» и нового общества, точно так же во имя справедливости и нового общества теперь уничтожался и СССР. Большевиков уничтожили те демоны ненависти и лжи, которых в свое время они сами взрастили в народной душе. Советский строй, подобно Голему, убил своего создателя, выйдя из-под его контроля. И вдруг оказалось, что гражданская война на самом деле закончилась в 1991-м, но в ней снова победили «красные» (их прямые наследники), лишь со своей обычной хитростью переменив обличье.

Русские прозорливые мыслители и писатели знали, чем все это закончится еще в самом начале, когда все только начиналось и еще очень многих, как А. Блока, увлекала «музыка революции». Так, М. М. Пришвин в своем знаменитом «Дневнике» в 1917 году отвечал им: «Нет, Горький, вы не правы. Злого духа вызываете вы сами, передовые марксисты, социалисты и пролетарии. Идея ваша ни хороша, ни дурна, но средство ваше обратить всю страну, всю нашу природу в стадо прозелитов иностранной фабрично-заводской пролетарской идеи – дурное. Мне вас жаль, потому что вы будете опрокинуты, и след вашего исчезновения не будет светиться огнем трагедии... искушаемые врагами рода человеческого хлыстовские пророки и марксистские ораторы бросаются с вы-

соты на землю, захватывают духовную и материальную власть над человеком и погибают, развращенные этой властью, оставляя после себя соблазн и разврат» [7, с. 443].

Как видим, М. М. Пришвин пишет здесь не как идеолог, не как «белый» или противник революции, а именно как человек, способный по евангельскому слову «различать духов». Идея для него сама по себе «ни хороша, ни дурна», но он видит гибельность именно рабства у идеи, пожирающей живую жизнь народа. И вот уже с другого берега исторической эпохи, эпохи уже закончившейся – и закончившейся еще в самом ее начале предсказанной катастрофой, А. И. Солженицын продолжает ту же самую мысль М.М. Пришвина. Это столь простая, сколь и трудная для большинства мысль о первичности духовного над материальным в историческом процессе – о том, что и катастрофы, и взлеты предопределены на уровне духа, а не материальных «свершений». В СССР последних было предостаточно, но они не смогли предотвратить его судьбу.

СССР был велик во многом – кроме самого главного. Он был не велик, а ничтожен и катастрофически губителен по отношению к человеческой душе, не говоря уже о духе, попавшем здесь под законодательный запрет. В СССР произошла самая страшная форма «антропологической катастрофы» (М. К. Мамардашвили), которая хотя и является глобальной и продолжает нарастать, но именно у нас она достигла почти апокалиптической глубины, до сих пор не знакомой никому в мире. *«Обвал» России в постсоветскую эпоху был вовсе не «новой» эпохой, искусственно разрушившей старую, а как раз наоборот, самым закономерным и абсолютно неизбежным итогом советского «эксперимента», который изначально вел именно к такому итогу и ничем иным завершиться и не мог бы.* Здесь наша история шла почти с «математической» закономерностью, и все вплоть до малейших деталей, было уже «закодировано» в предшествующую эпоху. Сомнительно даже, что мог бы быть какой-то более «мягкий» вариант «обвала», учитывая в первую очередь «человеческий фактор». В условиях накопления того «человеческого материала», который сформировался в тоталитарный период, ничего лучшего ожидать и не приходилось.

И поэтому сейчас опять, как и тогда, в 1917-м, у России остается только один-единственный шанс: «Если мы действительно способны высвободиться из того примитивного материалистического мироучения, в котором воспитывали нас десятилетиями, что бытие определяет сознание, то нам неизбежно понять и принять: будущее наше, и наших детей, и нашего народа зависит первой и глубинней именно от нашего сознания, от нашего духа, а не от экономики» [6, с. 201]. Поэтому «не в земельных просторах наш главный понесенный ущерб. Духовная жизнь народа важнее обширности его территории и даже уровня экономического процветания. Величие народа – в высоте внутреннего развития, а не внешнего» [6, с. 202].

Итогом книги стала великая *надежда*: «поездив по России, поглядев, послушав, – заявлю хоть под клятвой: нет, наш Дух – ещё жив! и – в стержне своём – ещё чист! Там, там, на встречах, – не я сказал, мне говорили, меня убеждали: “Только бы спасти душу народа! – и спасётся всё!”» [6, с. 202]. Поэтому «и после прокатанного по нам столетия – есть у русских надежда» [6, с. 203]. Писатель здесь оказался прав – не только упадочное бытие определяет сознание –

иначе бы от России уже ничего не осталось, – но и нравственное сознание, нравственный подвиг хотя бы части народа способен порой творить чудеса. И пока «наш Дух – ещё жив! и – в стержне своём – ещё чист» – и, тем самым, история России не закончена. Стоит заметить – и это очень важно в контексте диалога с идеологическими противниками А. С. Солженицына – что здесь писатель обращается к обычным людям, которые, как и он сам, были гражданами СССР. Ведь именно в них он жаждет найти ту силу духа для возрождения, которая единственная может спасти Россию из исторического небытия. То есть он признает, что народ выжил несмотря ни на что. Это принципиально важный контекст для полемики с противниками А. С. Солженицына. Важно понимать, что великий писатель пошел на так называемое «предательство» СССР именно ради своего служения России. Он «предал» ту власть, которая в данный момент поработила его Родину ради того, чтобы спасти Россию вечную и ее народ, всегда способный к покаянию и возрождению. В этом состоял внутренний исток его творчества, который выразился и в художественной системе, и в его столь странной для многих публицистике.

Книга А. И. Солженицына «Россия в обвале» не требует специальной похвалы – она сама говорит за себя. Можно лишь удивляться, как писатель, пользуясь столь непритязательным методом, избегая сложных рефлексий и научных изысканий, одной лишь сметливостью глубокого и хваткого русского ума сумел так просто и точно узреть в сам корень нашей исторической судьбы. Ложные мудрствования, столь распространенные в наше время, почти всегда уводят от самого главного, увязая в тонкостях и частностях. Но здесь как раз тот случай, когда «Мир должно в черном теле брать. Ему жестокий нужен брат» (О. Мандельштам). Идя от очевидного, мы прикасаемся к сути только тогда, когда сами не обманываем себя. Здесь был очевиден лишь «обвал», и проще всего малодушному уму тут обвинить во всем тех, кто «разрушил великую страну», чтобы только не увидеть бревно в собственном глазу. Но подлинный ум, пример которого нам показал писатель, говорит честно и твердо: это расплата за *наши* грехи, это итог *наших* болезней, поставивших нас на край исторической гибели. Таким образом, историософское исследование стало закономерным итогом творческого пути писателя.

Список литературы:

1. Азинцев, С. Е. Российский социум и Солженицын: опыт частного взгляда // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. Серия «Социология». – 2013. – С. 3–8.
2. Гапоненков, А. А. А. И. Солженицын и проблема единства русской духовной культуры // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. – 2014. – Т. 14. – Вып. 2. – С. 30–35.
3. Казин, А. Солженицын как национальный мыслитель // Санкт-Петербургские ведомости. – 2008. – 12 сент.
4. Махони, Д. Возвыситься над современностью: «Раскаяние и самоограничение как категории национальной жизни» // Солженицын: Мыслитель, историк, художник. Западная критика, 1974–2008: сб. ст. / Сост. Э. Э. Эрикссон. – М.: «Русский путь». – 2010. – С. 8–117.
5. Пришвин, М. М. Дневники. 1914–1917 / М. Пришвин. – СПб.: «Росток». – 2007. – 608 с.
6. Солженицын, А. И. Россия в обвале / А.И. Солженицын. – М.: «Русский путь», 1998.
7. Хайдеггер, М. Изречение Анаксимандра // М. Хайдеггер. Разговор на проселочной дороге. – М.: Высшая школа, 1991. – С. 28–68.